

Куприн Александр Иванович

Детские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Детские рассказы / Куприн Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
192 с.

ISBN 978-5-519-91826-8

Содержание. Столетник; Чудесный доктор; Слон; Палач; На реке; В зверинце; Белый
пудель; Лолли; Собачье счастье; В недрах земных

ISBN 978-5-519-91826-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

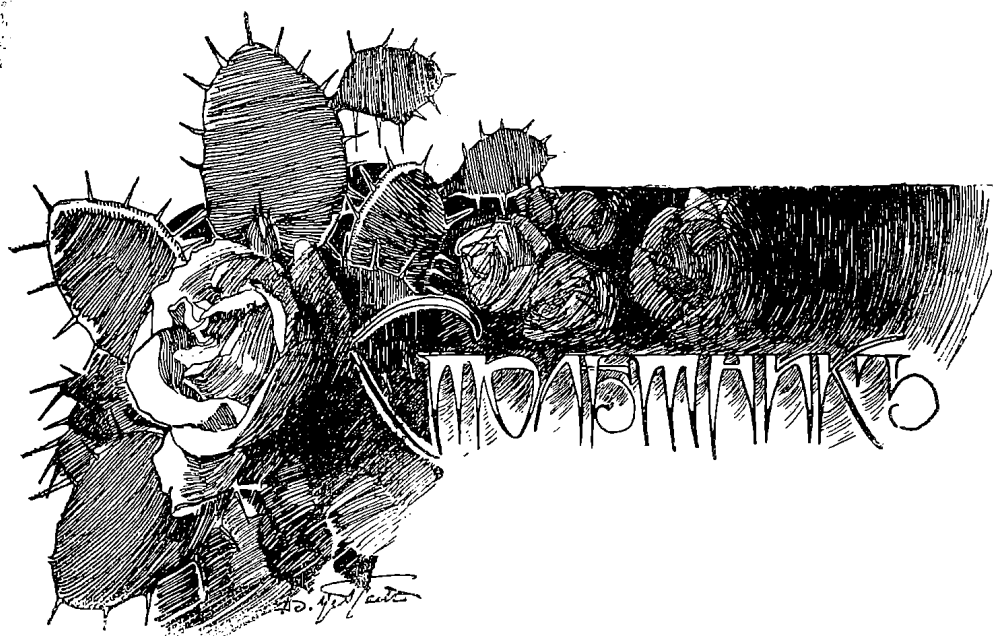
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТОЛѢТНИКЪ

Это происходило въ большой оранжереѣ, принадлежавшей очень странному человѣку—милліонеру и нелюдиму, тратившему всѣ свои несмѣтные доходы на рѣдкіе и красивые цвѣты. Оранжерея эта, по своему устройству, по величинѣ помѣщеній и по богатству собранныхъ въ ней растений превосходила знаменитѣйшія оранжереи въ мірѣ. Самыя разнообразныя, самыя капризныя растенія, начиная отъ тропическихъ пальмъ и кончая блѣдными полярными мхами, росли въ ней такъ же свободно, какъ и у себя на родинѣ. Тутъ были: гигантскія латаніи и фениксы съ ихъ широкими зонтичными листьями; фиговые и банановыя, саговыя и кокосовыя пальмы возвышали къ стеклянному потолку длинныя, голыя стволы, увѣнчанные пышными пучками раскидистыхъ листьевъ. Здѣсь же росли многіе диковинные экземпляры,

вродѣ эбеноваго дерева съ чернымъ стволомъ, крѣпкимъ, какъ желѣзо; кусты хищной мимозы, у которой листья и цвѣты при одномъ прикосновеніи къ нимъ мелкаго наѣкомаго быстро сжимаются и высасываютъ изъ него соки; драцены, изъ стеблей которыхъ вытекаетъ густой, красный, какъ кровь, ядовитый сокъ. Въ кругломъ, необычайно большомъ бассейнѣ плавала Царственная Викторія, каждый листъ которой можетъ удержать на себѣ ребенка, и здѣсь же выглядывали бѣлые вѣнчики индійскаго лотоса, распускающаго только ночью свои нѣжные цвѣты. Сплошными стѣнами стояли темные пахучіе кипарисы, олеандры съ блѣдно-розовыми цвѣтами, мирты, апельсинныя и миндальныя деревья, благоухающіе китайскіе померанцы, твердолистые фикусы, кусты южной акаціи и лавровыя деревья.

Тысячи различныхъ цвѣтовъ наполняли воздухъ оранже-реи своими ароматами: пестрыя съ терпкимъ запахомъ гвоздики; яркія японскія хризантемы; задумчивые нарцисы, опускающіе передъ ночью [внизъ свои тонкіе, бѣлые лепестки; гіацинты и левкой—украшающіе гробницы; серебристые колокольчики дѣвственныхъ ландышей; бѣлыя съ одуряющимъ запахомъ панкраціи; лиловыя шапки гортензій; скромныя ароматныя фіалки; восковыя туберозы,—ведущія свой родъ съ острова Явы; душистый горошекъ; пеоній, напоминающіе запахомъ розу; вервена, цвѣтамъ которой римскія красавицы приписывали свойство придавать кожѣ особенную свѣжесть и нѣжность и потому клали ихъ въ свои ванны, и, наконецъ, великолѣпные сорта розъ всевозможныхъ оттѣнковъ: пурпурнаго, ярко-краснаго, пунцоваго, коричневаго, розоваго,

темно-желтаго, нѣжно желтаго, полевого и ослѣпительно-бѣлаго.

Другіе цвѣты, лишённые аромата, отличались за то пышною красотою, какъ, напримѣръ, холодныя красавицы камеліи, разноцвѣтныя азалии, китайскія лиліи, голландскіе тюльпаны, огромныя, яркіе георгины и тяжелыя астры.

Но было въ оранжереѣ одно странное растеніе, которое, повидимому, ничѣмъ не могло-бы обратить на себя вниманіе, кромѣ развѣ своей уродливости. Прямо изъ корня выходили у него длинныя, аршина въ два, листья, узкіе, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числомъ около десяти, не поднимались кверху, а стлались по землѣ. Днемъ они были холодны, а ночью становились теплыми. Цвѣты никогда не показывались между ними, но за то торчалъ вверхъ длинный, прямой, зеленый стержень. Это растеніе называлось Столѣтникомъ.

Цвѣты въ оранжереѣ жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно у нихъ не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они другъ-друга понимали. Можетъ быть, имъ для этого служилъ ихъ ароматъ, вѣтеръ, который переносилъ цвѣточную пыль изъ одной чашечки въ другую, или теплые солнечные лучи, заливавшіе всю оранжерею сквозь ея стеклянныя стѣны и стеклянный потолокъ. Если такъ изумительно понимаютъ другъ-друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть въ малой степени, это возможно для цвѣтовъ?

Между нѣкоторыми цвѣтами была вражда, между другими нѣжная любовь и дружба. Многіе соперничали между

собою въ красотѣ, ароматѣ и высотѣ роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что въ яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью, и въ распустившихся чашечкахъ дрожали алмазы росы, между цвѣтами начинался общій несмолкаемый разговоръ. Рассказывались чудныя благоухающія исторіи о далекихъ жаркихъ пустыняхъ, о тѣнистыхъ и сырыхъ лѣсныхъ уголкахъ, о диковинныхъ пестрыхъ насѣкомыхъ, свѣтящихся ночью, о вольномъ голубомъ небѣ родины и о свободномъ воздухѣ далекихъ полей и лѣсовъ.

Одинъ только уродъ Столѣтникъ былъ изгнанникомъ въ этой семьѣ. Онъ не зналъ никогда ни дружбы, ни участія, ни состраданія, ни разу въ продолженіи многихъ длинныхъ лѣтъ ничья любовь не согрѣла его своимъ тепломъ. И онъ такъ привыкъ къ общему презрѣнію, что давно уже переносилъ его молча, затаивъ въ глубинѣ души острое страданіе. Также привыкъ онъ быть и постояннымъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Цвѣты никогда не прощаютъ своимъ собратьямъ уродливость.

Однажды іюльскимъ утромъ въ теплицѣ распустился цвѣтокъ рѣдкой кашемирской розы, темно-карминнаго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ отливомъ на сгибахъ, удивительной красоты и чуднаго запаха. Когда первые лучи солнца заглянули сквозь стекла, и цвѣты, проснувшись одинъ за другимъ отъ легкой ночной дремоты увидѣли распустившуюся розу, то со всѣхъ сторонъ послышались шумные возгласы восхищенія: „Какъ хороша эта молодая роза!—Какъ она свѣжа и ароматна! Она будетъ лучшимъ украшеніемъ нашего обще-

ства! Это—наша царица!“ И она слушала эти похвалы, стыдливая, вся рдѣющая, вся облитая золотомъ солнца—точно настоящая царица.

Проснулся и несчастный Столѣтникъ, взглянулъ—и затрепеталъ отъ восторга.

— О! какъ ты прекрасна, красавица,—прошепталъ онъ.

И когда онъ это сказалъ, вся оранжерея наполнилась неудержимымъ смѣхомъ. Закачались отъ хохота надутые, чванные тюльпаны, вздрогнули листья стройныхъ пальмъ, зазвенѣли бѣлые колокольчики ландышей, даже скромныя фіалки улыбнулись сострадательно изъ своихъ темныхъ кругленькихъ листьевъ.

— Чудовище! закричалъ, задыхаясь отъ смѣха, толстый піонъ, привязанный къ палкѣ.—Какъ у тебя достало дерзости говорить комплименты? Неужели ты не понимаешь, что даже твой восторгъ отвратителенъ?

— Кто это? спросила, улыбаясь молодая, царица.

— Этотъ уродъ?—воскликнулъ піонъ.—Никто изъ насъ не знаетъ, кто онъ и откуда. Онъ носитъ очень глупое имя—Столѣтника.

— Меня сюда привезли совсѣмъ маленькимъ деревцомъ, но онъ и тогда былъ такъ же великъ и такъ же гадокъ,—сказала высокая старая пальма.

— Онъ никогда не цвѣтетъ, сказалъ олеандръ.

— Но за то весь покрытъ колючками,—добавилъ миртъ.—Мы только удивляемся тѣмъ людямъ, которые къ намъ приставлены. Они ухаживаютъ за нимъ гораздо больше, чѣмъ за нами. Точно это какое нибудь сокровище!

— Я вполне понимаю, отчего за нимъ такъ ухаживаютъ,—сказалъ пѣвецъ.—Подобныя чудовища такъ рѣдки, что ихъ можно отыскать только разъ въ сто лѣтъ. Вѣроятно онъ за это и называется Столѣтникомъ.

Такъ до самого полудня насмѣхались цвѣты надъ бѣднымъ Столѣтникомъ, а онъ молчалъ, прижавъ къ землѣ холодные листья.

Послѣ полудня стало нестерпимо душно. Въ воздухѣ чуялось приближеніе грозы. Тучи, плывшія по небу, дѣлались все темнѣе и темнѣе. Становилось трудно дышать. Цвѣты въ истомѣ поникли нѣжными головками и затихли въ неподвижномъ ожиданіи дождя.

Наконецъ, вдали, точно рычаніе приближающагося звѣря, послышался первый глухой раскатъ грома. Наступило мгновеніе томительнаго затишья, и въ доски, которыми садовники быстро прикрывали стекла оранжереи, глухо забарабанилъ дождь. Въ оранжерей стало темно, какъ ночью.

И вдругъ роза услышала около себя слабый шепотъ:

— Выслушай меня, царица. Это я, несчастный Столѣтникъ, восторгъ передъ твоей красотой вызвалъ у тебя утромъ улыбку. Ночная темнота и гроза дѣлаютъ меня смѣлѣе. Я полюбилъ тебя, красавица. Не отвергай меня!

Но роза молчала, томясь отъ духоты и ужаса передъ грозой.

— Послушай, красавица, я уродливъ, листья мои колючи и некрасивы, но я открою тебѣ мою тайну. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, тамъ гдѣ непроницаемая сѣти лианъ обвиваютъ стволы тысячелѣтнихъ баобабовъ, куда не

ступала до сихъ поръ человѣческая нога—тамъ моя родина. Разъ въ сто лѣтъ я расцвѣтаю только на три часа и тотчасъ же погибаю. Отъ моихъ корней вырастаютъ новые побѣги, для того, чтобы опять погибнуть черезъ сто лѣтъ. И вотъ, я чувствую, что черезъ нѣсколько минутъ я долженъ расцвѣсть. Не отвергай меня, красавица!

Но роза, поникнувъ головкой, не отвѣчала ни слова.

— Роза! За одинъ только мигъ счастья я отдамъ тебѣ цѣлую жизнь. Неужели этого мало твоей царственной гордости? Утромъ, когда взойдутъ первые лучи солнца...

Но въ это мгновеніе гроза разразилась съ такой страшной силой, что Столѣтникъ долженъ былъ замолчать. Когда же передъ утромъ кончилась гроза, то въ оранжереѣ раздался громкій трескъ, точно отъ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Это расцвѣлъ Столѣтникъ,—сказалъ главный садовникъ и побѣждалъ будить владѣльца оранжереи, который уже двѣ недѣли дожидался съ нетерпѣніемъ этого событія.

Доски со стеклянныхъ стѣнъ были сняты. Вокругъ Столѣтника, молча, любовалась имъ кучка людей, и всѣ цвѣты съ молчаливымъ изумлѣніемъ обернули къ нему свои головы.

На высокомъ зеленомъ стержнѣ Столѣтника расцвѣли пышные гроздья бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ невиданной красоты, которые издавали чудный ароматъ, сразу наполнившій всю оранжерею. Но не прошло и получаса, какъ цвѣты на-

чали незамѣтно розовѣть, потомъ они покраснѣли, потомъ сдѣлались пурпурными и, наконецъ, почти черными.

Когда же взошло солнце, цвѣты столѣтника одинъ за другимъ завяли. Въ слѣдъ за ними завяли и свернулись уродливые листья, и рѣдкое растеніе погибло, чтобы опять возродиться черезъ сто лѣтъ.

И царица поникла своей благоухающей головой.
